

Геннадий Гор
Блокада
Стихи 1942 — 1944 гг.

---

* * *

Здесь лошадь смеялась и время скакало.
Река входила в дома.
Здесь папа был мамой,
А мама мычала.
Вдруг дворник выходит,
Налево идет.
Дрова он несет.
Он время толкает ногой,
Он годы пинает
И спящих бросает в окно.
Мужчины сидят
И мыло едят,
И невскую воду пьют,
Заедая травую.
И девушка мочится стоя
Там, где недавно гуляла.
Там, где ходит пустая весна,
Там, где бродит весна.

Июнь 1942

* * *

Сердце не бьется в домах,
В корзине ребенок застывший.
И конь храпит на стене,
И дятел ненужный стучится,
Стучит, и стучит, и долбит,
Долбит, и стучит, и трясется.
Иголка вопьется и мышь свои зубы вонзит,
Но крови не будет. И примус, и книги, и лампа,
И папа с улыбкой печальной,
И мама на мокром полу,
И тетка с рукою прощальной
Застыло уныло, примерзло как палка
К дровам. И дрова не нужны.
Но лето в закрытые окна придет
И солнце затеплит в квартире.
И конь улыбнется недужный
И дятел ненужный,
На папе улыбка сгниет.
Мышь убежит под диван
И мама растает, и тетка проснется
В могиле с рукою прощальной
В квартире, в могиле у нас.

Июнь 1942

* * *

Сани, кадушка, кровать
Речка, избушка, корова.
Теплое выморозь, жеребцов и муштин оскопи
И землю сделай плешивой немецкой луною.
Сады умирают там, где ступит нога.
Дома убегают, где рука прикоснется.
Озера кричат. Рожают деревья уroda.

Сани, кадушка, кровать
Речка, избушка, корова.
Где дети? Уже не играют, уже не рисуют
И детские кости белеют, тоскуют,
И детская плоть в обломки, в кирпич
Впилась на радость кому-то.
Было иль не было —
Чтоб в речке плясала вода,
Чтоб мама смеялась
И яблоня кидала весной цветы?
Но будет.
И будет корова — коровой, избушка — кукушкой,
И станет снова землю луна,
Соловьи захохочут в лесах
И Гитлер увянет безротый
Бесплотный с птичьей улыбкой.
И Геббельс станет повозкой.
И дым завитками над крышей уже
Как на детском рисунке. Утро встает.

Июнь 1942

* * *

Солнце простое скачет украдкой
И дети рисуют обман.
И в детской душе есть загадка,
Хариуса плеск и роман
Воробья с лешачихой. Как жолуди
Детские пальцы. Рисунок опасный —
Обрывок реки. Крик. И люди
Не поймут, не заметят напрасно
Привет с того света, где у реки
В рукаве не хватает руки,
Где заячьи руки скачут отдельно
От зайца, где берег — не сказка,

А бред на птичьих ногах. И замазка
В глазах у меня, у тебя, у него как короста
И нет у природы прироста.
А к дереву приросли три девичьих руки, три ноги.
Смеется прохожий, упав на колени.
Телеги трясутся. Косулю обнявши олень,
Вонзается в день как в ухо веревка. Миноги,
Артисты, козлы, петухи по рыби кричат.
И ночь улетает уже на качелях в Пекин.
Мышата, крысята, цыплята, щенята, волчата
Ворчат. И я остаюся один
Как колодец.

Июнь 1942

* * *

Лежу с женой вдвоем в квартире,
Да стол, да стул, да лампа,
Да книги на полу.
И нет уж никого. Лицо жены. Открытый рот.
Глаза закрытые глядят.
Но где же то живое, робкое? Где милое?
Людмила где? Людмила!
Я кричу во сне и так. Но нет жены.
Рука, нога, да рот.
Еще беременный живот,
Да крик зловещий в животе,
Да сын иль дочь, что не родятся.
И не поднять мне рук и ног,
Не унести. Она лежит и я лежу.
Она не спит и я не сплю.
И друг на друга мы глядим
И ждем.
Я жду, когда пойдет трамвай,
Придет весна, придет трава,

Нас унесут и похоронят.
И буду лживый и живой
В могиле с мертвою женой
Вдвоем, втроем и на полу не будет книг.
Не будет лампы. Но буду думать я —
Где ты? И что такое тут лежит?
Чья рука? Чья нога? Моя? Твоя?
И буду лживый и живой
В могиле с милою женой.
Вдвоем я буду как сейчас.
В квартире тускло. Я сижу.
Гляжу на мертвую жену.
Нога в могиле. А рукою
Она не трогает меня. Рука в раю
И взгляд угас. И рот уже отъели крысы.
Но вот нешумною рекою
Потекли. И снится лето. Я с женою
Вдвоем, втроем течем
Бежим, струимся. Но входит дворник.
Нас несут в подвал. И я кричу:
— Живой! Живой!
Но мне не верят. А жены уж нет.
Давно растаял рот. Скелет
И я вдвоем, втроем течем, несемся.
И нет квартиры.
Лишь лампа гаснет, то горит,
Да дворник спит не умолкая.

<Июль> 1942

* * *

Завяли глаза у девчонок и руки намокли,
И ноги завязли, завяли глаза.
И груди не тронет рука. Руки умолкли.
И солью стала вода, крапивой слеза.

И рот уже не поет молодой и открытый.
И реки умрут, но не так, а уснут в берегах.
Ребенок заплачет в мертвых руках
И друг рассмеется забытый, зарытый,
Успев стать отцом, но мужем не став.
И друг рассмеется зарытый, не зная
Где ноги твои, что ласкал, не устав,
Где руки твои, свои руки ломая.
Завяли глаза и руки засохли давно.

<Июль> 1942

* * *

С воздушной волною в ушах,
С холодной луною в душе
Я выстрел к безумью. Я — шах
И мат себе. Я — немой. Я уже
Ничего и бегу к ничему.
Я уже никого и спешу к никому
С воздушной волною во рту,
С холодной луной в темноте,
С ногою в углу, с рукою во рву
С глазами, что выпали из глазниц
И пальцем забытым в одной из больниц
С ненужной луной в темноте.

Июль 1942

Речка

Девочка светлая, речка, окно.
Девочку вижу я, небо и ветер.
Девочка-липа, свечка в лесу,
Девочка, глаз мой, прыжок на весу.

Девочка, прорубь, ветер на ветке,
Девочка-дождик, об воду вода
Девченкой об камни, струится, течет,
Рукою то машет, то ножкою пляшет,
То бьется об камни, о берег сечет.
То окна текут по камням, то ветер,
То ветви струятся.
Девочка-липа, нас срубят
И окна доскою забьют,
Колодец засыпят и речку убьют
Девочка светлая, речка шалунья,
Липа ночная с ветвями в грозе
Руками об камни, толкая по мне
Спешит и не может, бежит, не бежит
Об берег поплачет, об лес позвонит
То вовсе умолкнет, то в сердце гремит.

1942

Избушка

Избушка не спорит с хозяйкой старушкой.
Подружки, две сказки, два добрых лица.
Козлик трясется и плачет. Кукушка
Погаснет, то снова. То снова погаснет опять.
А утро-петух вдруг скок на крыльцо.
Избушка к старушке идет —
Посидеть и чаю попить из стаканов.
И бревна несет, мохом ребра заткнует
И стены и окна и всех тараканов.
Но вот старушка избушку ведет —
— Умирать. Кукушка то плачет, то нет.
Считает старушка, сколько осталось ей лет.
И в крике кукушкином ищет ответ
Для будущей жизни отмеренной скупой кукушкой.
Как будто старушке стоит жить без подружки

Без дряхлой, черной, но теплой избушки
Как будто нельзя умереть

1942

* * *

Сквозь сон я прошел и вышел направо,
И сон сквозь меня и детство сквозь крик.
А мама сквозь пальцы и сердце. Орава.
И я на краю сквозь девицу проник.
И я здесь проник сквозь девицину ногу,
Плоть и сквозь ум и сквозь рот
И сквозь плечи, сквозь стены и бога
Сквозь дыры и море как крот
И я здесь как крик, как иголка, как мама
Сквозь пот. И я здесь безумец бездумный
Я — ум чтоб иголкой сквозь сон и сквозь дуб
Сквозь годы и утро, как светлая рама
И ум мой неглупый сквозь девичий пуп.

1942

* * *

На улицах не было неба.
Природа легла — отдохнуть.
А папа качался без хлеба,
Не смея соседку толкнуть.

А папа качался без хлеба,
Стучался в ворота судья,
Да в капле сидела амеба
В амебе сидела судьба.

1944

* * *

С веревкой на шее человек в огороде
Он ноги согнул и висит.
И вошь ползет по его бороде.
И жалость в раскрытых настежь глазах
В закрытых ладонях зажата,
Жалость к весне что убита,
К жене что распята
И к дочке что с собой увели.
А дочка смеется от страха
И плачет от смеха в постеле.
И сердце остывшее от стыда
От боли, от воли, с тоски
Безумное сердце бесстыдно.
И дочка смеется лаская
Того кто убил ее мать.
И дочка хохочет с руками на шее
У того, кто на шею отцу примерил петлю.
С веревкой на шее уже не качаясь
Висит он ноги поджав.
И не кому плакать и горькие ноги обнять.
А вошь все ползет и растет на мертвой его бороде.
И время не тает как ворон у глаз, как вор на окне
И время не тает навеки закрыто.

* * *

Какая тревога на сердце простом.
Умерли гуси в ветре густом.
Остались без веток пустые кусты.
Висели без рек безстыдно мосты.

Вдруг море погасло.
И я
Остался без мира,
Как масло.